

А.Е. Козлов

Новосибирский государственный педагогический университет

**Соотношение смертного и провинциального кодов
в русской литературе XIX века**

Аннотация: В статье на материале русской литературы XIX века рассматривается соотношение смертного и провинциального кодов. Изучение сюжета о мертвом теле показывает характерные особенности данного внутрикодового взаимодействия.

The article is devoted a ratio of mortal and provincial codes in material of Russian literature XIX. The exploration of *story about dead body* represents some peculiarities of this process.

Ключевые слова: русская литература, смертный код, провинциальный код, внутрикодовые связи, сюжет о мертвом теле, дистрибуция, редукция.

Russian literature Mortal code, provincial code, inter-code connection, story about dead body, distribution, semantic reduction.

УДК: 821.161.1.

Контактная информация: Новосибирск, ул. Вилюйская, 28. НГПУ, ИФМИП, кафедра русской литературы и теории литературы. E-mail: alexey-kozlof@rambler.ru.

В данной статье исследуется соотношение двух кодов русской литературы: провинциального и смертного¹. По нашему мнению, ни один код литературы не может быть представлен в конкретном художественном тексте автономно, однако, если говорить об иерархии кодов, то «слабый» код всегда будет подчинен «сильному», который потенциально реализуется в сверткесте.

Смертный код в знаковых системах культуры реализуется тематически на уровне пространства, хронотопа, сюжета. Критерий интуитивной очевидности, предложенный А. Вежбицкой [Вежбицка, 1983, с. 245], показывает, что примитив данного кода складывается из дуальной оппозиции жизнь / смерть. При определенном уровне обобщения жизнь соответствует существованию героя во времени и пространстве, развитию его судьбы. Смерть, связанная с отсутствием существования во времени и пространстве, соответствует достижению экзистенциальной границы.

Провинциальный код в своем примитиве выстраивается через соотношение провинция / столица. Во многих текстах русской литературы XIX века пребывание в провинции также соответствует пределу, связанному с остановкой движения по иерархической вертикали.

Наделенный в своем денотате экзистенциальной семантикой, связанной с переживанием смерти, переходом из бытия в небытие, от я к не-я [Демичев, 1997; Блинова, 2004; Красильников 2007], смертный код видоизменяется под воздействием возникающего окружения. В этом отношении представляется актуальным рассмотрение смертного кода в связи с провинциальным.

В современных работах по феноменологии и парадигматике русской провинции выделяется устойчивый вариант, связанный с описанием провинциального города как царства мертвых [Казари, 2000; Строганова, 2000; Эртнер, 2005].

¹ Осмысление художественного произведения в семиотическом аспекте подразумевает выделение отдельных кодов и поиск взаимосвязи, организующей структуру целого [Баженова, 2011, с. 25]. Под кодом в данной работе понимается совокупность знаков и последовательность их считывания в алгоритме интерпретации. Художественный текст, как поликодовое сообщение, представляет собой пучок смыслов или значений, обусловленных семантикой пересекающихся кодов [Кассирер, 2011; Лотман, 1996].

Данный вариант сформировался под влиянием произведений В.Ф. Одоевского, А.Ф. Вельтмана, «Мертвых душ» Н.В. Гоголя и без существенных изменений транслировался в произведениях А.Ф. Писемского, В.А. Слепцова, Ф.М. Решетникова, А.И. Левитова, М.Е. Салтыкова-Щедрина.

В русском литературном процессе второй половины XIX века данный вариант представляет собой доминанту. Иными словами, мортальный код семантизирует провинциальный, наделяя его набором специфических тем. Так, если в «Обыкновенной истории» и «Обломове» И.А. Гончарова провинция – локальное, домашнее место, то в «Обрыве» при общем значении «вселенской щели» реализация мортального кода обуславливает появление важных смысловых обертонов. В контексте этого романа путешествие Райского в Малиновку представляет собой реализацию орфического мифа, поскольку обретение творческого духа связано с потерей (практически, жертвой) возлюбленной.

Провинциальный код, как и мортальный, соответствует некоторой границе. Ее топологическая природа во многих реализациях совпадает с онтологической. Дополнительная семантизация пространства, связанная с дистрибуцией рассматриваемых кодов, ведет к перераспределению знаков в пределах художественного текста.

По всей видимости, алгоритм этого перераспределения связан с метафорическим и метонимическим переносами. Поскольку для многих персонажей исключение из столицы практически соответствует гибели, поездка в провинцию часто отождествляется со ссылкой и схождением в ад («Записки одного молодого человека» А.И. Герцена, «Тысяча душ» А.Ф. Писемского, «Свободное время» Н.Д. Хвощинской). Переживание собственной гибели механически сменяется переживанием гибели другого, *не-я*. Таким образом, формируется сюжет о мертвом теле в провинциальном или деревенском контексте.

Вторым свойством кодов, находящихся в отношении дистрибуции, является редукция некоторых смыслов. Реализация мортального кода в провинциальном контексте подразумевает его травестирование. В пространстве, где, словами М.М. Бахтина, «день не день, год не год, жизнь не жизнь» [Бахтин, 2000, с. 182], остальные знаки приобретают характер ложных, что связано с рассогласованием денотата и сигнификата, плана выражения и плана содержания. Уже здесь происходит разрушение примитива кода, поскольку оппозиция жизнь / смерть, где *жизнь не жизнь*, теряет свой смысл. Вместе с этой потерей существенно понижается значимость данной темы, и мортальный код становится полностью подчиняемым провинциальному, реализуя его частные значения.

В провинциальном коде как реципиенте можно обнаружить различные культурные слои, наследуемые от мортального кода-донора. Являясь основным репрезентантом кода, провинциальное пространство налагает особый отпечаток на классические сюжеты русской литературы. Помещенные в реторту провинциального пространства, эти сюжеты проходят перекодировку, связанную со сменой культурных модусов. Провинция является своеобразной призмой редукции, проходя через которую вечные темы культуры и литературы, как правило, утрачивают свой глубокий, онтологический смысл и осмысляются в пародийном, комическом ключе через механизм травестирования.

Процесс, демонстрирующий дистрибуцию и редукцию изучаемых кодов, рассматривается далее через сюжет о мертвом теле.

Одним из источников рассматриваемого сюжета является фольклорная традиция. Мертвое тело как мифологема описывается двумя основными значениями: 1) приносящее несчастье знамение; 2) проклятый при жизни человек, который делает добро после своей смерти, чтобы избавиться от злого рока [Афанасьев, 2008]. В древнерусских сказках конца XVII в. мы находим ряд устойчивых изводов, связанных со вторым значением («Повесть о купце, купившем мертвое тело, и ставшем царем» [Памятники литературы Древней Руси, 1988]). Мертвое тело

здесь волшебное средство, позволяющее достигнуть богатства, счастья и разума. Проблема данной фольклорной схемы состоит в том, что вместо традиционно проданной души проданным оказывается мертвое тело, которое наделяется рядом свойств живого человека. Безусловно, данная схема восходит к архаическим культам эпохи синкретизма [Веселовский, 1989; Бройтман, 2011].

Вторым значительным источником могла оказаться западноевропейская смеховая традиция, связанная с карнавальными меной живого и мертвого как сакрального и профанного [Бахтин, 1990; Лосев, 1982]. В частности, характерна амбивалентность данного сюжета, при которой эмблематичность мертвого тела сосуществует с его символическостью. Именно здесь следует искать истоки травестирования как механизма взаимодействия разных кодов.

Просветительская традиция, связанная с этнографическими описаниями «неведомых земель и провинций», также сыграла значительную роль в формировании сюжетного алгоритма провинциальной мифологии. Характерным примером описываемого процесса является «Путешествие по разным провинциям Российского государства» академика П.С. Палласа, оказавшее влияние на русскую литературу 30–40-х годов XIX века. Мертвое тело в повествовании автора становится элементом хтонического, доисторического мира. Обнаружение останков инцивилизации контрастирует с существованием определенного механизированного алгоритма: тело разделяется на части, которые отправляются на экспертизу. Уже здесь становится явной характерная амбивалентность данного сюжета (мирское / сакральное) и его отнесенность к пространству провинции (места, где действуют иные законы бытия).

К вышеприведенным источникам следует добавить романтическую традицию с ее пристальным вниманием к танатологии, двоемирию, пограничности человеческого бытия [Манин, 1976; Прусова, 1999], с одной стороны, и пристальным интересом к народному опыту, с другой. Наиболее репрезентативной в этом отношении является «Сказка о мертвом теле, неизвестно кому принадлежащем» В.Ф. Одоевского¹. Мертвое тело здесь существует в двух плоскостях, оно представлено как объект, наделенный физическими свойствами, и как субъект, являющий неразрывную связь духа и плоти.

Формирование реалистического модуса настоящего сюжета хронологически совпадает со второй половиной XIX века. В рассматриваемый период рост популярности естественных наук, натурализма и дарвинизма способствует тому, что вскрытие мертвого тела становится своеобразной приметой времени. Так, в романе Н.С. Лескова «Соборяне» конфликт между Ахиллой и Варнавой разгорается через мертвое тело. Часто используемая Лесковым фраза – *мира не было в их костях*² – символизирует неустроенность быта, неразрешимость конфликта.

В XIX веке сюжет о мертвом теле, по замечанию С.Ф. Дмитренко, становится «едва ли не бродячим» [Дмитренко, 1998, с. 3]. Изучение литературного процесса показывает не только высокую степень развития этого сюжета, но и его буквальное повторение, связанное с наличием одноименных произведений в творчестве И.А. Салова, В.И. Даля, В.А. Слепцова, А.П. Чехова. Во всех названных текстах действие происходит за пределами столицы, на окраине, в провинции и деревне. Однако если произведения Салова и Даля представляют повествования о погибшем, в «Мертвом теле» Слепцова за покойного принимают уснувшего мужика, что является оригинальным вариантом, существенно изменяющим исходный код.

¹ Такое предположение было высказано А.С. Янушкевичем.

² Для романов и хроник Н.С. Лескова характерна цитация из Псалтыри. В частности, псалом Давида (37: 4) ложится в основу описаний Лизы Бахаревой и Дорушки («Некуда», «Обойденные»). Можно сказать, что в «Соборьях» эта фраза приобретает буквальный смысл и реализуется в сюжете.

Помимо одноименных, типологически близких рассказов можно обозначить повести («Гарантас» В.А. Соллогуба, «Подлиповцы», «Между людьми» Ф.М. Решетникова, «Трудное время» В.А. Слепцова, «Житие одной бабы» Н.С. Лескова, «Убивец» В.Г. Короленко), крупные романские формы («Большая барыня» В.А. Вонлярлярского, «Тысяча душ» А.Ф. Писемского, «Обрыв» И.А. Гончарова, «На ножах» Н.С. Лескова) и циклы («Записки охотника» И.С. Тургенева, «Губернские очерки» М.Е. Салтыкова-Щедрина, «Степные очерки» А.И. Левитова, «Сибирские рассказы» Н.Э. Гейнце), где данный сюжет организует второстепенные повествовательные линии. Во всех текстах приведенного ряда провинция становится местом действия, что показывает высокую степень связности морального и провинциального кодов.

Безусловно, провинциальное пространство, определяющее движение сюжета, оказывает влияние на повествовательный модус. Мертвое тело в рассматриваемой группе текстов часто становится элементом гротеска, знаком условности и неподлинности существующего мира.

Мертвое тело является одним из организующих элементов в цикле М.Е. Салтыкова-Щедрина «Губернские очерки». Очевидно, что наряду с живыми персонажами существует целая галерея мертвецов, за счет чего реализуется танатологический вариант провинции. На структурном уровне мертвое тело становится скрепой, цементирующей отдельные блоки в единый провинциальный текст.

Как отмечает, анализируя сюжет о мертвом теле, С.Ф. Дмитренко: «Совокупность этих произведений с однотипной, по сути, коллизией требует установления ее общего источника и, очевидно, не литературного, а реально-исторического. И такой источник отыскивается в Полном собрании законов Российской Империи» [Дмитренко, 1998, с. 7]. Исследователь обращается к юридическому законодательству, подчеркивая его влияние на формирование сюжета. Юридическая формула подразумевает нарушение ритуала, что, по замечанию Р.Л. Красильникова, «обусловлено неправильным исполнением культа мертвых» [Красильников, 2007, с. 93].

Реализуясь в условиях провинциального или деревенского пространства, сюжет о мертвом теле представляет синекдоху топоса, его квинтэссенцию, что подчеркивает значимость метафорического и метонимического переносов в дистрибуции кодов. Семантика топоса, таким образом, проявляется не только в описаниях (как это было показано в начале статьи), но и на сюжетном, повествовательном уровне.

Соотношение рассматриваемых кодов показывает подчиненность морального кода провинциальному, демонстрирует такие устойчивые процессы, как дистрибуция и редукция. Доминантный код практически присваивает себе значения кода-донора, за счет чего происходит возможность осуществления текста и сверхтекста (провинциального текста). Изучение тематического литературного ряда показывает, как семантика провинциального кода постепенно вытесняет значения морального.

Литература

Афанасьев А.Н. Народные русские сказки. М., 2008.

Баженова Е.А. Стилистика декодирования как основа понимания поликодового текста // Коммуникация в поликодовом пространстве: языковые культурологические и дидактические аспекты. СПб., 2011. С. 24–29.

Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.

Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе // Бахтин М.М. Эпос и роман. СПб, 2000.

- Блинова М.П. Мортальный сюжет в нравственно-философском пространстве малой постмодернистской прозы. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2004.
- Бройтман С.Н. Историческая поэтика. СПб., 2011.
- Вежбицка А. Семантические примитивы. Введение // Семиотика. М., 1983. С. 225–253.
- Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М., 1989.
- Демичев А. Философские и культурологические основания современной гаталогии. СПб., 1997.
- Дмитренко С.Ф. Проблема реконструкции исторических фактов в литературном произведении // Вестник РГГУ. 1998. № 4 (41). С. 3–14.
- Казари Р. Русский провинциальный город в литературе XIX века. Парадигма и варианты // Русская провинция: миф, текст, реальность. М.; СПб., 2000. С. 164–170.
- Кассирер Э. Философия символических форм. М., 2011. Т. 1: Язык.
- Красильников Р.Л. Образ смерти в литературном произведении. Модели и уровни анализа. Вологда, 2007.
- Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. М., 1996.
- Лосев А.Ф. Эстетика возрождения. М., 1982.
- Манн Ю. Поэтика романтизма. М., 1976.
- Памятники литературы Древней Руси: XVII век. М., 1988.
- Прусова М.А. Культ смерти в русской романтической поэзии. Симферополь, 1999.
- Строганова Е.Н. «Миниатюрный мир» провинции в русской прозе 1830-х – первой половины 1840-х гг. // Русская провинция: миф, текст, реальность. М., СПб., 2000. С. 196–205.
- Эртнер Е.Н. Феноменология провинции в русской прозе конца XIX – начала XX века. Тюмень, 2005.